
УДК 82.0(470.621)

ББК 83.3 (2=Ады)

М 34

Матыжева А.К.

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: aminetm@mail.ru

Адыгейская «малая» проза: жанровые предпочтения

(Рецензирована)

Аннотация:

Исследуется развитие жанров «малой» прозы (новеллы и рассказа) в адыгейской литературе, теоретические истоки, оказавшие влияние на формирование и динамику зарождающихся жанров. Результаты исследования позволили дать новую оценку новелле и рассказу в трактовке вопроса о жанровых предпочтениях.

Ключевые слова:

«Малые» жанры, новелла, рассказ, морально-психологический конфликт, «многоэпизодность», лаконичный слог, литературные традиции и тенденции.

Matyzheva A.K.

Candidate of Philology, Senior Lecturer of Literature and Journalism Department, Adyghe State University, e-mail: aminetm@mail.ru

The Adyghean «small» prose: genre preferences

Abstract:

This work examines the development of «small» prose genres (the short story and the story) in the Adyghean literature and the theoretical sources which have influenced the formation and dynamics of emerging genres. Results of research allowed the author to give a new assessment to the short story and to the story in treatment of a question of genre preferences.

Keywords:

«Small» genres, short story, story, moral and psychological conflict, «multi-episode» character, laconic syllable, literary traditions and tendencies.

Многообразие существующих современных трактовок истории национальной (новописьменной) литературы характерно для XX века. Вызвано это культурно-историческими изменениями в жизни общества: разрушением устоявшихся морально-эстетических ценностей, привычной идеологии, общественной формации. Произошло переосмысление действительности, не избежали этого и ли-

тература, и наука о литературе. Подходя к теоретическому осмыслению новописьменной литературы 20-х гг. XX века, необходимо рассматривать её в контексте не только собственных традиций, но и исторического опыта России первой четверти XX века. «Это время должно быть, по всей видимости, отмечено как особый, первый период, как начало формирования литературы и искусства нового времени» [1: 14].

Литературоведы и критики отмечают, что на развитие художественно-публицистической литературы повлияло творчество таких писателей-просветителей, как Х. Абуков, Т. Борукаев, М. Дышеков, Т. Керашев, А. Хатков, И. Цей, А. Шогенцуков и др.

Адыгейская литература имела к 1917 году «солидный художественно-публицистический опыт и писателей, работавших свой стиль» [2: 194]. Поэтому для многих авторов уже в конце 20-х – начале 30-х годов XX века этот опыт и примеры адыгского эпоса стали источником художественного творчества, порой опережающим достижения сложившихся литератур. Наряду с публицистическими жанрами все увереннее утверждаются жанры «малой» художественной прозы, в частности, то повествование, что стало повсеместно обозначаться как «рассказ». Однако, по мнению У. Панеша, «особые пути развития новописьменных культур приводили, к примеру, к тому, что некоторые жанры отставали в своём формировании...» [3: 130].

К. Шаззо считает, что на начальном этапе зарождения национальной литературы молодые авторы обращались «к идейным истокам эпохи», а не стремились многосторонне исследовать жизнь, основы идейной борьбы новых людей с изжившими себя явлениями» [4: 58].

Следует подчеркнуть, что аналитическое начало лишь намечалось в молодой прозе. Сходство трудностей определяло общность достижений и промахов в способах художественной реакции на явления эпохи. Более апробированным был публицистический язык, который вместе с традиционным народнопоэтическим и стал главным источником литературного повествовательного языка. Ограничен был и спектр жизненных конфликтов, как правило изображавшихся в узких рамках идейно-политического или идеологического противостояния социальных групп или носителей их морали. Необходи-

мость в развертывании сложного социального или морально-психологического конфликта требовала увеличения количества действующих лиц, многоэпизодности, расширения повествовательно-описательных элементов в произведении, т.е. «повестной» структуры. Особенность развития «малых» жанров адыгейской литературы заключалась в том, что некоторые рассказы приобретали жанровые признаки повести, другие (рассказы Т. Керашева, И.Цея) - «новелльность».

Например, главный мотив в новеллах И.Цея – аморальность господствующих классов, для изображения которого автор использует классические приемы: приём контраста, отдавая предпочтение двухцветной, чёрно-белой, изобразительной палитре; портрет спесивого и свирепого повелителя, подробный физический облик и одежда, соответствующие схеме действий и поступков, слова - грубые, оскорбительные, злобные для «нижестоящих» на социальной лестнице.

Герои второго круга – человечнее, реальнее, богаче как в нравственном аспекте, так и в способах изображения. Они психологичны, лишены однотонности. Отсюда – контраст в фундаменте всей сложной конструкции произведения, с четко обрисованным финалом. Многие элементы изобразительности, как и финал, ожидаемы с первых строк новелл. Таким образом, «новелльность» действует в заданных традицией жанра обстоятельствах.

Необходимо отметить, что большинство новелл построено на одном эпизоде, в котором сосредоточены основная коллизия и смысл произведения (И.Цей: «Красные чувяки», «Я съем твою голову», «Первая брачная ночь», «Жестокий отец»). Другие новеллы приближаются к рассказам благодаря повествовательному простору, позволяющему развернуть событие или сделать одно событие главным в цепи других с нарастающим драматизмом действия и – соответственно –

контурами психологизма в изображении чувств, настроений (И. Цей: «Тэтэркон», «Ревнивый князь», «Борэ», «Князь требует барашка» и др.).

Эстетическая состоятельность новелл и рассказов в период их становления как жанров в адыгейской литературе – в преодолении иллюстративности, риторичности, бесконфликтности сюжетного содержания или сюжетных шаблонов. Подобное мы наблюдаем и в творчестве писателей других новописьменных литератур, к примеру Х. Теунова, А. Шогенцукова.

Жанры «малой» адыгейской прозы стали самостоятельным явлением и в то же время – разработкой проблем, сначала намеченных в очерках, потом нашедших развитие в повестях и романе. Адыгейские литературоведы А. Схалыхо, К. Шаззо, У. Панеш, Р. Мамий, Х. Глепшерше установили, путем методологического исследования взаимосвязи «малого» и «большого» эпических жанров, что помогло увидеть влияние творчества адыгейских писателей 20-х – 30-х годов XX века (И. Цей, Т. Керашева) на новые поколения авторов (Х. Ашинов, А. Евтых, К. Жанэ, П. Кошубаев, Н. Куек, С. Панеш, Ю. Тлюстен, Ю. Чуюко).

С новеллистической прозой Т. Керашева (70-х – 80-х годов XX века) сопоставима проза Н. Куека, к которой известный поэт обратился в 90-е годы XX века в пору зрелого творчества. Совершенно точно обозначена проблематика XX века в его рассказах, новеллах, повестях и романах: «... война и мир, человек и история, человек и природа, осмысление жизни народа в трагической перспективе его судеб в трех временных измерениях» [5: 83].

Первые произведения Н. Куека – рассказы, повесть «Превосходный конь Бечкан» - опубликованы в 1991 году. Герои рассказов «Гость», «Ханаху», «Мать абадзехов», «Глепш» представляют собой разные социально-психологические типы: адыгский просветитель XIX века, простой аульский крестьянин, мать, потерявшая

на войне всех своих сыновей, умирающий Бог Глепш. В рассказе «Гость» создан образ передового мыслящего человека, занимающегося просвещением адыгов, участвующего в создании их культуры. По всем признакам имелся в виду Хан-Гирей, чья неустанная деятельность была направлена на укрепление связей адыгов с Россией, что вызывало недовольство врагов. Автор доводит конфликт между носителями добра (в лице Хан-Гирея) и зла (в лице эфенди Аледжи) до трагического исхода (гибель Хан-Гирея, по преданию, отравленного эфенди). Так подчеркивается философская первооснова вечного конфликта противоположных мировоззрений, антиномия добра и зла.

Тяготение к новеллистичности явно прослеживается и в большом эпосе Н. Куека. И здесь необходимо упомянуть о повести «Превосходный конь Бечкан», тематически вписывавшейся в военно-исторический профиль художественной прозы 80-х годов, но по проблематике сосредоточенной на философской идее целостности и гармонии в мире, природе, отношениях человека и животного. Более того - круг названных проблем легко размыкается вводом в их интеллектуальную ориентацию нравственно-эстетических вопросов, касающихся адыгейской культуры, быта, традиций, эстетики чувств и поступков.

Лирические новеллы о кабардинском скакуне (абакуше), старике Шалихе носят трагический характер, т.к. с гибелью Шалиха и его коня гибнет красота, символ гармонии и целостности мира. Автор говорит, что красота должна быть оберегаема, тогда она действительно спасет мир. По мнению К. Шаззо, «Превосходный конь Бечкан – повесть-размышление, философская повесть-притча». Его проза – это «нечто новое, синкретическое, основанное на эпосных началах народно-сказительного времени, замешанное на взбудораженном тексте современного трагически-гуманистического романа (Голсуорси, Маркес, Айтматов) и апока-

липтически насыщенной драматической поэмы (Лорка, Марцинкявичус, Севак, Мустай Карим)» [6: 32].

Однако здесь прослеживаются и явные признаки новеллистичности: композиция, лаконичность слога, занимательность сюжета, притчеобразность.

Философские размышления Н. Куека о Боге и человеке составляют плоть духовно-нравственной атмосферы всей прозы писателя и становятся высокой традицией, которой пытаются следовать многие из современных не только адыгейских, но и северокавказских писателей.

Эта тенденция освоения проблем и конфликтов времени в нетрадиционных рамках обнаруживает себя и в творческих исканиях Ш. Куева, М. Тлехаса, Х. Хурума, С. Хунаговой, С. Гутовой, Ф. Мамруковой и других.

Таким образом, адыгейская литература, осваивая новые жанры «малой» прозы (новеллу и рассказ), поднималась на новую ступень своего развития. Вместе с тем жанр новеллы в творчестве адыгских писателей и в настоящее время нуждается в дальнейшем исследовании, с позиции её классификации и типологии.

Примечания:

1. Панеш У.М. Литература изменяющегося мира. Майкоп, 2007. 278 с.
2. М. Кунижев, А. Схалыхо, Л. Бекизова, Л. Кашежева, У. Панеш и др.
3. Панеш У.М. Интеграция культур и проблемы изучения отечественной литературы XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2007. Вып. 2. С. 127-137.
4. Шаззо К.Г. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгейских литературах. Тбилиси, 1978. 238 с.
5. Паранук К.Н. Нальбий Куек // История адыгейской литературы: в 3 т. Т. 3 / АРИГИ им. Т. Керашева. Майкоп: Адыгея, 2006. С. 70-95.
6. Шаззо К.Г. Живое слово правды. К 60- летию со дня рождения Нальбия Куека //

References:

1. Panesh U.M. Literature of the changing world. Maikop, 2007. 278 pp.
2. M. Kunizhev, A. Skhalyakho, L. Bekizova, L. Kashezheva, U.Panesh, etc.
3. Panesh U.M. Integration of cultures and problems of the XX century domestic literature studying // The Bulletin of the Adyghe State University. Series Philology and the Arts. Maikop, 2007. Issue 2. P. 127-137.
4. Shazzo K.G. The art conflict and evolution of genres in the Adyghe literatures. Tbilisi, 1978. 238 pp.
5. Paranuk K.N. Nalby Kuyek // History of the Adyghe literature: in 3 v. V. 3 / ARIGI of T. Kerashev. Maikop: Adygheya, 2006. P. 70-95.
6. Shazzo K.G. A living word of truth. To the 60th anniversary Nalby Kuyek // Literary Adygheya. Maikop, 1998. No. 3. P. 30-34.